

мую минуту, пошли бы умирать с радостью, абсолютно счастливыми людьми.
К чему я это вспомнил? А вот к чему. Я хочу быть с вами, с теми, кто отважился читать эти строки, предельно честным. Ни я, ни мои родители, ни родители родителей никогда не видели святого праведного Иоанна, чудотворца из Кронштадта. Даже о самом этом городе многие годы я знал лишь по революционному фильму. Но очень люблю этого святого человека. Правда, люблю! Слово своего близкого предка, который жил когда-то совсем рядом, но и не умер вовсе. Вот так, не умер и всё. И зная об этом, веря в это, начинаешь понимать, что смерти, как таковой, нет вовсе. Во всяком случае, в том виде, в каком представлялась она нам прежде. Вот был человек. Ходил себе по земле. Работал. Вырезал детишкам из деревянных чурок красивые кораблики. Или не вырезал, а крутил всю жизнь шоферскую баранку. Или у станка стоял. Да мало ли. И вдруг; бац... Всё. Тьма, и тишина, и вечный холод.

Олег СЕЛЕДЦОВ

Добрый настыр из Кронштадта, или Страсти по Иоанну

Фрагмент повести

В нашем дворе на улице Советской жил дядя Ваня. Это было давно. Очень давно. Нет уже того дворика, и улица изменилась до неузнаваемости, да и сам дядя Ваня умер лет сорок назад, но почему-то я до сих пор помню его. Помню с добром, как светлую страничку из далёкой сказки — моего детства.

Дядя Ваня был инвалид войны. Сколько я помню, он всегда сидел на скамеечке, кажется самодельной, играл на гармошке, пел фронтные песни и всегда радостно улыбался. Всегда. Говорили, он сильно пил, что случалось тогда с такими вот инвалидами-ветеранами, но я этого не помню. Зато хорошо помню, как вырезал он нам, мальчишкам и девчонкам того, ушедшего в небытие дворика, деревянные кораблики. А ещё сабельки и кинжалы. Дядя Ваня был безотказен. Подбегий к нему бывало:

- Дядь Вань, сделай мне сабельку!
- А мне кораблик!
- А мне эсминец!

Он лишь улыбался во всё лицо, доставал откуда-то, уже не помню откуда, широкий нож, вовсе не страшный, брал деревянную чурку, коих у него с избытком хватало в мешке, всегда находившемся около скамеечки, и начинал творить волшебство.

И вот уже угадывались за белёсой тайной немного дерева очертания труб, надстроек и кормы лёгкого эсминца, готового вот-вот отбить первые склянки новой корабельной жизни. Уже сверкал на солнце лучистым серебром стальной клинок беспощадной к фашистам и прочим буржуйам лихой кавалеристской шашки. Мы прыгали от восторга. А дядя Ваня всё также улыбался всем лицом. И дарил нам свои чудо-подарки. Дарил словно своим собственным внучатом. А своих внучат и деток у него не было. Их у него без всякого спроса забрала война.

Давно нет того дворика. Давно нет дяди Вани. Время не знает жалости, забвение не терпит пощады. Но пока жив хоть один мальчишка, в чьих руках оживали корабли и сабельки, вырезанные безогоним гармонистом, будет жить в нашей памяти и дядя Ваня — один из добрых лучиков нашего лучшего в мире детства.

Пожалуй, из таких вот лучиков памяти и соткана вся наша жизнь. Некоторые из них чуть теплятся где-то на самых дальних окраинах нашего «Я». Другие горят ярким, добрым огнём, согревая и утешая в тяжёлые минуты, коих, к сожалению, достаточно у каждого из нас. И что бы мы делали, и кем бы мы были, не будь в нашей памяти таких лучей Надежды и Любви.

Но есть, и это поразительно, есть особый огонь. Его невозможно увидеть, невозможно приобрести, но счастливым, невыразимо счастливым тот человек, чья жизнь согрета этим необыкновенным огнём духовной, генетической даже памяти. Памяти о далёких, забытых в веках предках, о чудаковатой русской святости, не расстрелянной в эпоху культов, не растерзанной гусеницами тяжёлых «Тигров», не выжженной идеологической ложью мироправителей века сего.

Я хорошо помню, как выходили, именно выходили, а не наоборот, из глубин моего сознания неизвестные мною прежде Сергей Радонежский, Серафим Саровский и Иоанн Кронштадтский.

Я ещё ничего не знал о Боге, о вере, о Православии. Я был убеждённым комсомольцем, активистом и коммунистом. Но эти три имени жили во мне. Эти имена, пока только имена, в какой-то момент затмили во мне весь полный ряд имён, портретов и биографий всех членов Политбюро ЦК Партии. И на вопрос моей бабушки: «Да разве могут быть на земле совершенно честные, бескорыстные, справедливые, незапятнанные люди, живущие, забывая себя, исключительно для других?» я, не задумываясь ответил, кажется, это был девятнадцатый или девятнадцатый первый год. Я ответил и твёрдо верил в безошибочность своего ответа: «Конечно есть! Сергей Радонежский, например».

Спроси меня тогда бабушка об этом Сергии, кто, что, когда, где? Ничего бы не ответил. Ничего. Но твёрдо знал. Твёрдо! В этих трёх именах: Сергия, Серафима и Иоанна скрыт вековой код нашей нации, зашифрован смысл всей нашей истории. И мне предстоит хотя бы попытаться этот код и этот смысл разгадать.

Разгадал ли? Прошло много лет. Четверть века. Буду честен. Нет. Не разгадал. Поэтому сейчас, что не хватит жизни для этого. Тем важнее и нужнее для себя считаю заниматься этой расшифровкой.

Буду честен... Хорошее выражение. Сейчас вдруг вспомнил, как в середине восьмидесятых нас, молодых матросиков, только что закончивших обучение-зачтение в пресловутой «чубеке», привезли на корабли. Командир бригады, капитан второго ранга Асеев собрал нас всех на штабном судне для беседы.

— Сынки, — сказал он тогда. — Я буду с вами честен. Вам выпало служить на противолодочных кораблях первой линии. А что это значит? Это значит, что если завтра начнётся война, мы с вами погибнем в первые три, ну, от силы четыре часа войны. Погибнем все: и вы, и я, и мои офицеры. Но за эти три-четыре часа мы должны выпустить все торпеды и все до единой бомбы в нашего противника. И если в торпедных аппаратах и бомбомётных установках не останется ни одного изделия (он так и сказал «изделия»), значит, погибли мы с вами не напрасно, с честью выполнив свой долг русского моряка.

И вот эти «буду честен», «и вы, и я, и мои офицеры» так врезались в душу, что мы все тут же поверили своему командиру — суровому морскому волку. Поверили так, что случись война в эту са-

— Зачем вы так говорите? — вмешалась в разговор ещё одна паломница, кажется певчая в соборном храме. — Я тоже слышала эту историю и верю, что именно так всё и было.

— Одна баба рассказала другой, другая третьей, пятая — своей племяннице и так далее. Не верю я в бабы сказки.

— А вы вспомните, отчего умер батюшка Иоанн?

— Отчего?

— У него было тяжелейшее заболевание мочевого пузыря, так что в последние месяцы своей жизни он криком кричал.

— И что?

— Как что? Это были последствия травмы, нанесённой отцу Иоанну извергами.

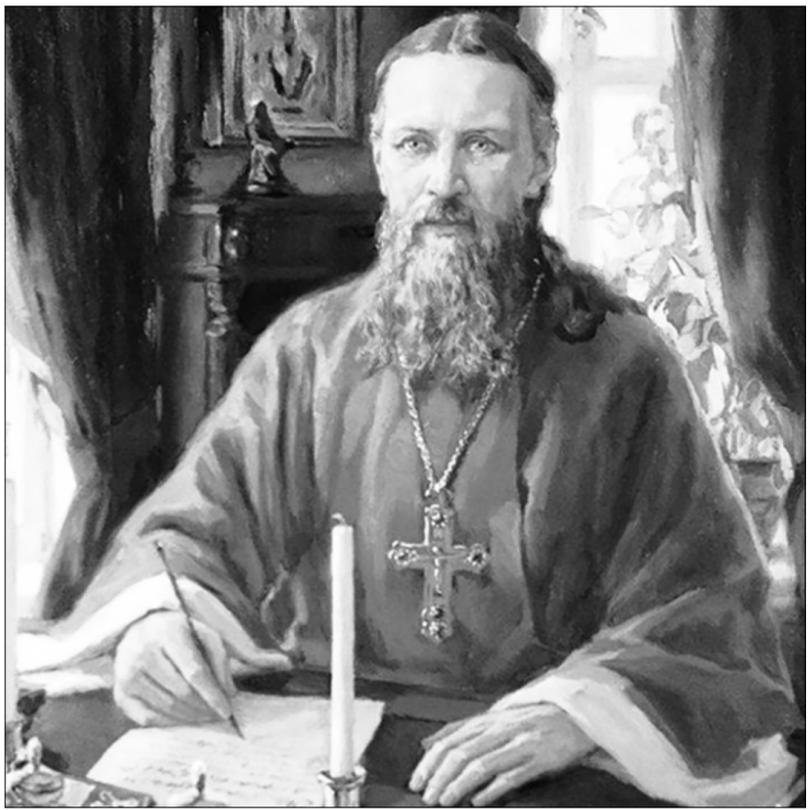
— Да глупости это. Доказательств-то никаких. А я, знаете ли, привык верить только фактам.

— А вот меня лично... — это муж рассказчицы, человек тихий, скромный, за всё паломничество проноривший не более десятка слов. — Меня лично поражает другое. Вспомните, почему отец

Вот два показательных примера того, как, унижая себя до состояния Иванушки-не дурачка, а просто дебила, паталогического лентяя и вшивого, покрытого коростой невежества раба, мы падали «на лица свои» перед блеском «яко солнечным» великого и свободного Запада.

В конце 80-х я, будучи студентом педагогического института, проходил практику в одной из школ Майкопа. Урок литературы в одиннадцатом классе. Что-то там про Маяковского. Программное что-то. Естественно, я подготовился. Практика какникак. Да и Маяковский — один из любимейших моих поэтов того времени. Веду урок. Дети ничего так себе. Слушают. Кое-кому даже интересно. Но одна девочка демонстративно зевает. Кладёт голову на руки и делает вид, что спит. Я, естественно, к ней. Мол, неужели тебе, Катя (Зина, Света, Оля — неважно), не интересно? Ведь это же наш Маяковский, шут возьми. А она мне в ответ, почти не поднимая умной головки от измученных советской несвободой ручек: «Олег Валерьевич, а вы в Америке были? Нет? А я была!». Напрасно я пытался что-то возразить на эту формулу антирабского, антикоммунарского протеста, остальные учащиеся класса в этот момент были явно не на моей стороне. Они мысленно лобызали пыльные улицы земногорая.

Второй пример, пожалуй, памятен многим. Год, кажется, девяносто первый. Игра Международного

Иоанн Кронштадтский запретил говорить об этом страшном преступлении. Он опасался, что начнутся погромы... Понимаете? Ну, как же? Погромы всегда бывают против кого? Ну?

— А, ты хочешь сказать, что против отца Иоанна был жидо-масонский заговор? Я, знаете ли, ко всяким там масонам и прочим, тоже не очень-то, но тут ты, брат, перенул. Глупости и бабы сказки.

— Да никакие не глупости, — это снова певчая. — Вся наша последующая история, все наши беды, революции, гражданская война, репрессии, кровь, голод — всё не на пустом месте возникло. Вы, кстати, упустили из виду очень важное обстоятельство. Когда отец Иоанн только садился в карету, чтобы ехать к якому-то больному, он произнёс пророческую фразу. В ней, кстати, вся соль этой истории. Он сказал, грустно усмеявшись, той самой монахини: «На заклание меня везётёе?». Понимаете? Он провидел всё, что с ним должно произойти, но не отказался от поездки. Как Господь, который знал, какие муки Ему предстоит, всё-таки добровольно пошёл на крест, так и батюшка Иоанн пошёл на свой крест добровольно, за имя Христово. Чтобы то, что с ним произойдёт в страшном доме, послужило для всех нас предупреждением: в безверии нас ждёт катастрофа.

— Глупости всё это, — пробасил казак, но как-то не очень уверенно.

Дальше шли молча. Далеко позади остался город с великим, древним, никогда не закрывавшимся монастырем. Далеко позади остались шум и суета многополюй, многовековой тайны, странной, как само своё имя — Россия. Мы прошли через небольшие лесочки, сливающиеся в единый живой организм русского леса, от пуза науголились ягодной щедростью черничниками. И вот мы и КПП или как он правильно называется: международный пограничный пункт пропуска «Кунчина гора». Там, вдалеке уже Эстония. Такой же лес, такая же река. И всё-таки это уже она... Заграница. Где-то там почивают знаменитые камни Европы, которые, по Достоевскому, дороги русскому сердцу больше, чем европейскому. Где-то там живут люди, которые очень хотят научить нас жить по-европейски, думать по-европейски, любить по-европейски, верить по-европейски. Где-то там, в этой самой вождённой Загранице готовы в любую минуту взлететь истребители и крылатые ракеты, чтобы подарить нам желанные свободу и демократию. А может, я просто спущаю краски?

Вспоминано сейчас те давние минуты в паломничестве, это жадное вглядывание в заграничные дали, и кажется мне, что с тех самых пор неотступно следит за мною немеркнущий строгий взгляд ОТТУДА, из оазиса свободы и прав человека, направляя на верный путь мою жизнь, жизнь моего сына, жизни моих будущих внуков.

Ох, уж эта Заграница. Тут недавно я пересмотрел культовый фильм времён «перестройки» режиссёра Сергея Соловьёва «Дом под звёздным небом». Типичная антилибернская история эпохи перемены времён. Семья, выживающая в провинциальном Союзе республик свободных, несмотря на тотальный гнёт всемогущего «кей джи би», правдами и неправдами вырывается на свободу и обретает полузону, полунебесный рай в оазисе всечеловеческого счастья — вождённой АМЕРИКЕ. Показательная сцена, когда герои, почти как Нил Армстронг на Луне, делают первые шаги по Брайтон-Бич, опускаются в умиление на колени и лобзуют, лобзуют эту пыль свободы этой обетованной земли в этом сиянии рекламного пожара, обещающего им неизменное вечное СЧАСТЬЕ. Словом, полная «харя кришна», как поёт в этом же фильме Борис Гребенщиков.

И ведь паскудство, извините, ситуации в том, что Соловьёв в этой сцене неверно правдив. В его фантазмагорич подобострастно припадающая советского антилгента к Нью-Йорку праху Свободы — исключительно точное и тонкое изображение того, что происходило с нами в конце 80-х — начале 90-х (и что происходит сейчас в некоторых незалежных регионах).

большую часть Черноморского Флота. За что боюсь, как говорится. Стали мы жить врозь, с помощью Заграницы, разумеется. Шли месяцы, годы, а Россия, несмотря на все усилия ельцинцов и прочих верных адептов американской религиозной секты Свободы, так почему-то без Украины и не загнула! А вот украинские братья и девы сначала мелкими ручейками, а потом мощным, почти Днепровским потоком хлынули к нам на заработки (если почитать биографии наших популярных певцов, артистов и прости... ой, простите, юмористов, то скиснешь от скуки: географическим разнообразием мест рождения и учёбы они, мягко говоря, не отличаются), в «воющую, ленивую и неразвитую духовно» Россию.

Запад, между тем, продолжал помогать незалежной Украине содержать в полной боевой готовности доставшиеся ей военные объекты флота. Очень хорошо помогал. Вот характерный пример. Если обратиться к интернет-путеводителю по Севастополю (составленным ещё до воссоединения с Россией), к удивлению обнаружил следующее: тридцатая батарея береговой артиллерии — уникальный объект, оставшийся в ведомстве России и не разграбленный, как остальные, перешедшие Украине.

Враньё! Наветы злых москалей, — скажет иной хлопеч с Майдана. Давайте проверим. После раздела флота в середине девяностых были разграблены и уничтожены важнейшие, в том числе и стратегические объекты, доставшиеся незалежному соседу: 35-я батарея, ЗКП Черноморского флота, ракетный комплекс подземного базирования «Утёс», Балаклава — уникальнейшая база подводных лодок, ядерный арсенал «Феодосия-13», единственный в СССР глубоководный полигон противолодочного оружия... Ржавеет у причала в Николаеве так и недостроенный ракетный крейсер с характерным названием «Украина».

Флотская моя юность прошла на Крымской военно-морской базе (КВМБ). Это, опять-таки, уникальный комплекс стратегических объектов. Озеро Донзулава было соединено каналом с морем. Получилась сверхудобная бухта для боевого базирования флота. Здесь находились: семнадцатая бригада противолодочных кораблей (где как раз я и служил), тридцать девятая дивизия морской пехоты (с уникальными боевыми судами на воздушных подушках «Джейраны» и «Зубрамы»), дивизион ракетных катеров, полк гидросамолётов противолодочной авиации Бе-12 «Чайка»... В середине девяностых база отошла Украине.

Тихи сегодня воды Донзулава. Не скользят по водной глади «Зубры», «Джейраны» и «Чайки». Уиль вполне себе безобидные и печальные медузы царствуют на месте базы. Разграблены и растащены на металл даже остатки взлётных полос и швартовых причалов. Украинские же корабли, оставшиеся здесь — четыре тральщика и два десантных судна в море почти не выходят.

Такая же судьба постигла и Керченско-Феодосийскую военно-морскую базу. Словом полная «харя», а заводно уж и «рама»...

Загранице не нужны на Украине и в Крыму ни российские, ни украинские морские базы. Она, в качестве помощи, естественно, готова размещать здесь свои собственные базы. Исключительно для защиты всемирной Свободы и Прав сексемь... Ой, простите, человека. Вот только неувязочка. Как кость в горле грациозной серны торчит на пути установления прав и свобод город русской славы, некий Севастополь. О, это очень плохой город. Он уже не раз противился установлению оазиса правдоного счастья на Крымских берегах, выдержав две беспрецедентные обороны, оставаясь один на один с англо-французско-турецкими полчищами в XIX веке и со всеокрушающей трёхсоттысячной фашистской машиной в веке XX. И стоял. Стоял насмерть, сменяя разрушенные стены из камня и бетона на вечные бастионы славы и легенд.

Когда немецкий полководец Манштейн привёл свои армии к Севастополю, то хвастливо заявил: «Я знаю, что могу положиться на свою пехоту, сапёров и артиллеристов. Вы в первой же атаке разобьёте врага и продвинетесь глубоко вперёд. Севастополь падёт».

Шли дни и месяцы, но Севастополь не падал. Он сражался, возводил всё новые оборонительные рубежи, рождал героев. Таких, как снайпер Людмила Павличенко, пулемётчица Нина Онилова, красноплотец Иван Голубец, политрук Николай Фильченков, комсорг одиннадцатого дзота Алексей Калужный. Двести пятьдесят дней держался город, нетоперантно ломая хребет трёхсоттысячной армии свободных и цивилизованных «западенцев», двести пятьдесят дней не хотел вручать себя в железные объятия заграничных свобод и прав. И пели тогда защитники города не «Америка — Америка», а совсем другие песни и целовали не пыль американских стрит, а обильно политую русской кровью землю РУССКОГО города — ставшего для всех русских людей символом мужества и несгибаемой воли. И клыались в любви к западной цивилизации, а в том, что умрут, но не сдадут врагу город, ставший родным для русских, украинцев, татар, армян, калмыков, белорусов, адыгов... Такую клятву нашли в кармане погибшего Калужного: «Я умираю, но знаю, что мы победим. Держитесь крепче, уничтожайте фашистских бешеных собак. Клятву воина я сдержал»... Эта клятва — заветание для нас. Для внуков и детей тех, кто стоял насмерть против прав и свобод великой Заграницы. Для нас, для того, кто сегодня готов стоять насмерть против несущих нам свободу и прочую «помощь» неонацистских бешеных собак. Как прекрасно сказал один молодой севастополец: «Наши деды умирали здесь фашистскую сволочь, теперь настала наша очередь разбить под Севастополем сволочь бандеровскую». Золотые слова.

Севастополь много раз было трудно. Но город всегда был не один. Вся Россия в едином порыве защищала и готова защищать этот город впрямь, точно также, как и он, город русской славы, символ доблести русского флота готов вновь стать на защиту всей России от заграничной «помощи». Вслушайтесь. Это ветер солёный от морских волн и пота русского моряка доносит нам весте: «Держитесь, севастопольцы! Держитесь крепче!». И я, вторя завету великого флотоводца, шепчу, как клятву: «Отстаивайте же Севастополь, братья мои и сёстры. Отстаивайте его от бешеных собак! Бейте их по «харю» и по «раме». Таков наш долг».

А что же Заграница? Заграница им уже не поможет. Не поможет!

А нам? Нужна ли нам помощь этой самой пресловутой Заграницы? Неужели не обойдёмся? Неужели забудем пророческие и страшные одновременно слова всеероссийского пастыря Иоанна Кронштадтского: «Россия — это подножие престола Божия»? Подножие престола Божия! Вдумайтесь только! Слова эти касаются всех нас, каждого из нас, каждого! Ведь мы — часть России, а стало быть, и на нас, на наших плечах покоится Божий престол. И чем крепче мы, вращая в родную землю, питаемся соками родной культуры, дыша воздухом родной веры, будем держаться этого подножия, тем прочнее будет утверждаться над нами Божий престол.

Бросив пророческий взгляд в сторону эстонского леса и великих камней Европы, мы повернули назад, к сокровищнице лесных черничников и брусничников, к суете и дремучести русских городов, к мёртвенности и безвремению русской деревни. Домой. К себе.